

— Лорд издал указ! Две тысячи Колен и титул почетного министра внутреннего двора тому, кто доставит голову внезаконника Блида!

Шумная улица мгновенно притихла от этого выкрика. Прохожие остановились, уставившись на помост в центре площади, где стоял патрульный в полном боевом облачении. Держа в руках плакат с изображением разыскиваемого, он на глазах у толпы подошел к доске объявлений и прикрепил его.

Когда патрульный удалился, улица снова наполнилась гомоном. Люди принялись возбужденно обсуждать награду, а у доски объявлений собралась целая толпа, оживленно тыкающая пальцами в лицо преступника.

Одни с явным азартом старались получше запомнить черты лица на портрете; другие критиковали лорда за то, что он спохватился лишь тогда, когда ситуация стала критической; третьи спорили о том, не слишком ли велика награда — титул почетного министра почти приравнивал человека к знати, и выкладывать такую сумму за голову какого-то разбойника казалось им чрезмерным расточительством.

Кое-кто, спеша по делам, лишь мельком взглянул на доску. Хотя их это и не касалось, они все же надеялись, что печально известный злодей поскорее попадет в руки правосудия.

Данило тоже был среди этих прохожих. Однако награда его всерьез заинтересовала — не из чувства справедливости или личной неприязни к Блиду, чьи действия никак не угрожали его работе, а исключительно из-за обещанного богатства.

Две тысячи Колен было достаточно, чтобы купить небольшой особняк с поместьем в верхнем городе Лос. Это позволило бы ему навсегда вырваться из низов, приобщиться к процветанию высшего общества и воплотить мечту, к которой он стремился последние двадцать лет — стать дворянином. А титул почетного министра внутреннего двора и вовсе открывал двери в политические круги.

Оба этих условия были базой для закрепления в аристократическом обществе Континента Алонс — тем, о чем Данило грезил два десятилетия.

В своей прошлой жизни он обитал на другом конце вселенной, на Земле. Двадцать лет назад, будучи двадцатилетним юношей, он сорвался со скалы во время похода. Когда он открыл глаза, то увидел, как его держит на руках женщина с нежным взглядом. Он переродился, став младенцем в ином, магическом мире.

За двадцать лет Данило полностью адаптировался и стал полноценным местным жителем. Воспоминания о прошлой жизни становились все туманнее, зато чувства к родным в этом мире крепились.

Жизнь после перерождения не должна быть серой — такова была его цель. Он не хотел снова

прозябать в режиме 996 или прожить жизнь в безвестности, хотя происхождение и не сулило ему ничего выдающегося.

У Данило были заостренные уши и необычайная внешность, а кожа — белая, как молоко. Природные данные давали ему преимущество, а врожденный дар его расы позволял видеть в темноте гораздо лучше других.

Однако его мать-одиночка Дайлин была человеком, и вокруг происхождения Данило ходило немало слухов. Дайлин долгое время терпела пересуды: одни шептались, что она распутна и непонятно от какого безответственного эльфа понесла, другие же подозревали, что Данило — чистокровный высший эльф, которого Дайлин подобрала в лесу.

Что бы ни говорили люди, Дайлин всегда твердо отвечала, что Данило — ее родная кровинушка.

В детстве из-за этого ему приходилось нелегко, но для шестилетнего ребенка с двадцатилетним жизненным опытом за плечами эти придирки были сущей ерундой.

Он знал, что его происхождение окутано тайной, но никогда не донимал Дайлин расспросами. Он просто чувствовал, как эта женщина, будучи матерью-одиночкой, без остатка отдавала всю свою любовь сыну с острыми ушками. Это материнское тепло помогло перерожденному Данило вырасти добрым и мягким человеком, а их с матерью терпимость к окружающим постепенно развеяла предрассудки соседей.

Его прежний, бунтарский характер из прошлой жизни полностью угас, и единственным, что оставалось неизменным, было стремление Данило к яркой и насыщенной жизни.

Этот мир был полон чудес. По мере того как Данило познавал его, он понимал, что реальность похожа на некий симбиоз всех магических игр и фильмов, известных ему ранее. Не говоря уже о множестве рас и профессий, мир застрял в эпохе холодного оружия, где царит жесткая сословная иерархия, а магия пронизывает каждый аспект жизни.

Весь континент был поделен между бесчисленными королевствами и фракциями. Данило не вникал в тонкости вражды между ними, да и город Лос, в котором он жил, не принадлежал никому. Поэтому здесь можно было встретить самых разных людей, каждый из которых был занят своими заботами. Если не случалось ничего из ряда вон выходящего, никто не обращал внимания на чудачества других. Именно в такой обстановке Данило познавал мир и стал его частью.

Дайлин была артисткой с божественным голосом. Даже сейчас, в свои сорок с лишним лет, она выглядела ослепительно и обладала особым шармом. Она выступала в ресторанах верхнего города, и их заработка хватало на то, чтобы мать и сын жили в достатке. Лишние расходы Данило начал покрывать сам, когда пошел работать. Семья не была богатой, но в еде и одежде нужды не знала.

Когда Данило только попал сюда, ему было трудно привыкнуть. Поначалу он не справлялся с телом младенца: пытался заговорить, но вместо слов издавал лишь детский лепет, за что получал порцию нежных поцелуев от Дайлин. Позже он начал получать удовольствие от этой жизни, снова стал ребенком и даже иногда капризничал. Но в то же время он казался не по годам зрелым: в суждениях сквозило взрослое мышление, и Дайлин часто шутила, не живут ли в нем две личности сразу, ведь иногда беседа с ним напоминала разговор с ровесником.

За эти годы Данило полностью освоился, став местнее самих местных. Благодаря поддержке младшего брата Дайлин в юности он устроился учеником, научился читать и писать, получив начальное представление об истории Континента Алонс. Остальное, как говорил учитель, нужно было постигать в приключениях — этот мир был полон безграничных возможностей.

Данило давно планировал отправиться в путь, но из-за детского тела не мог совершить ничего великого, поэтому послушно оставался с Дайлин до двадцати лет. Он чувствовал, что попал в этот мир не просто так, что на его плечах лежит незримая миссия, а где-то в неизвестных измерениях зреет катастрофа, которую предстоит предотвратить именно ему.

Однако время шло, а его жизнь не менялась. Ожидаемый «золотой палец» так и не появился. Он лишь чувствовал, что внутри него будто спит дикий зверь, а безграничная мощь заточена в клетку и ждет момента, когда Данило сорвет оковы и выпустит ее на волю.

Позже, чтобы помочь семье с деньгами, он стал учеником кузнеца. Его дядя, важный чин в отряде самообороны лорда, ежедневно обучал его на тренировочной площадке боевым искусствам. За несколько лет Данило набрался опыта и обрел неплохие навыки. Теперь все было готово — не хватало лишь шанса, чтобы выбиться в люди.

Сегодняшний указ взбудоражил его. Блид был негодяем, бесчинствующим в Лосе. Город жил торговлей, поэтому купцы были его главной опорой, а Блид промышлял грабежами караванов на подступах к городу. Это доставляло торговцам массу хлопот, заставляя тратить огромные деньги на наемников. Лорд поначалу не придавал этому значения, и его попустительство лишь раззадорило бандита: он сколотил банду и начал нападать даже на дворян. Только тогда лорд наконец объявил награду.

Данило внимательно взгляделся в приложенный к указу портрет. Несмотря на грубую работу, основные черты были переданы: шрам, пересекающий глаз, густая борода и родинка в уголке глаза. Он молча запечатлел этот образ в памяти и направился в кузницу.

Весенние улицы Лоса были полны людей. Вывески магазинов покачивались на ветру, словно зазывая покупателей, а мягкие солнечные лучи грели лица прохожих.

Данило любил гулять по городу: это позволяло насладиться ленью, поздороваться с соседями. В Лосе, тихом городке, где не было войн, такие приятные моменты помогали забыть обо всех тревогах.

Однако вид портил смрад, присущий нижнему городу. Улицы были грязными, повсюду

встречались нищие, а местные банды пользовались своей численностью, чтобы притеснять честных людей. Патрульные, в основном подкупленные, закрывали глаза на любую мелкую дрянь и лишь сбивались в кучки, обсуждая, в каком борделе девицы лучше или в какой таверне не разбавляют эль. Это была одна из причин, почему Данило так хотел перебраться в верхний город.

И все же жители нижнего города находили радость в повседневных мелочах. В конце концов, это был их дом, и к любым тяготам они относились философски: раз не можешь изменить среду, лучшее, что остается — это приспособиться.

Когда Данило пришел в кузницу, мастер Метос как раз ковал железо, напевая себе под нос и выглядя вполне довольным жизнью.

Метос был горным дворфом, обладавшим невероятной силой. Дворфы были лучшими кузнецами на континенте — возможно, потому, что их предки жили в горах, и они с рождения чувствовали золото, серебро, железо и медь. Почти все великие артефакты были созданы руками дворфов, так что всем было ясно: в кузнечном деле они — профессионалы.

У Метоса была суровая внешность: невысокий рост, мощное телосложение — он напоминал уменьшенную версию дикого быка. Однако при этом у него было доброе сердце, а говорил он всегда мягко и вежливо, что редко встретишь среди его сородичей.

Когда Данило только начинал и набивал шишки, именно Метос по доброте душевной приютил этого эльфийского мальчишку с красивым лицом и передал ему всё свое мастерство. Знатные особы из центра города, которым требовалось оружие, всегда отправляли своих людей договариваться с Метосом, ведь из рук этого дворфа еще ни разу не вышло ни одного бракованного клинка. Заказов всегда было море, и мастер был постоянно в делах.

К счастью, Данило оказался способным учеником, и теперь, работая в паре, они за короткое время создавали изысканное оружие поразительного качества.

Кузница была небольшой, с низкими стенами и черепичной крышей, уходящей под крутым наклоном вниз. Под низким навесом виднелся дверной проем, частично заслоненный деревянными щитами.

В углу мастерской стоял сложенный из камня и кирпича горн, из отдушины которого то и дело вырывалась пепельная пыль, пропитывая жаром и копотью почерневшие стропила. По обе стороны от двери были вбиты гвозди с натянутыми на них веревками, на которых висели черные наконечники для мотыг, лопаты и серпы. На снятой дверной панели красовалась старая деревянная вывеска, на которой масляной краской было выведено: «Изготовление сельхозинструментов, заточка, правка лезвий, оружие и снаряжение на заказ...»